

ПЕРСОНА

"Во всем виноват Толкиен"

— На днях вы получили премию "Лучший фантаст Европы". Могли представить себе, скажем, десять лет назад, что завоюете столь престижный трофей?

— Да что вы! Тогда мы думали, как написать интересно, а не о том, как получить премию. К тому же в начале 90-х давали только одну "Аэлиту", которой удостоились, например, Стругацкие. Нам главное было увидеть свою книгу на прилавке.

— Ник, как начиналось восхождение на пик популярности?

— Во всем виноват Толкиен. В 82-м году вышла в свет первая часть "Властелина колец" — "Хранители". Я прочитал ее и сразу заболел: этим миром, этим жанром. А вот вторую и третью книги запретили. Пришлось подпольно доставать оригинальный текст. Я начал читать и переводить для себя. Закончил через три года, в 85-м. И решил, что хочу написать свою книгу.

— Как относитесь к противникам, которые появились после выхода саги "Кольцо тьмы"? Они обвиняют вас в неправильном истолковании мира Толкиена. Мол, что это за продолжение "Властелина колец"?

— Это отдельное произведение, литературная игра для меня и моего отца. Да, действительно на обложке первого издания значилось: "Свободное продолжение "Властелина колец". Но на этом настояли издатели — чтобы сага лучше продавалась. Сейчас этой фразы, конечно же, нет.

— И еще раз о Толкиене. Его любимый персонаж — хоббит — встречается только в "Кольце тьмы". И вы даже нелестно о нем отзывались в "Не время для драконов". Что за нелюбовь к хоббитам?

— Просто у нас с Толкиеном разный подход к этому герою. Фродо, например, не знает сомнений, он лишен рефлексии — типично русской черты литературных героев. Он может усомниться в своих силах, но не в справедливости того дела, которому служит. У меня же как раз хоббит — рефлексирующий. А в книге "Не время для драконов", которую сделали на пару с Сергеем Лукьяненко, мы просто смеялись сами над собой, над тем, что мы уже написали.

— А вам-то какая раса наиболее симпатична?

— Гномы, хотя они появляются исключительно в эпизодических ролях, — мои главные персонажи, почти всегда люди. Но читатели считают, что как раз гномы получаются самыми колоритными. Ну и с моей легкой руки пиво стало национальным гномьим напитком.

"Не стоит ковырять пальцами в ранах своей родины"

— Каким образом вы оказались в США?

— Шел 98-й год. Дефолт отобрал у меня работу, нужны были деньги. А Штаты — это страна, где специальность молекулярного биолога очень востребована. Поэтому я, стряхнув пыль с диплома, уехал в Америку.

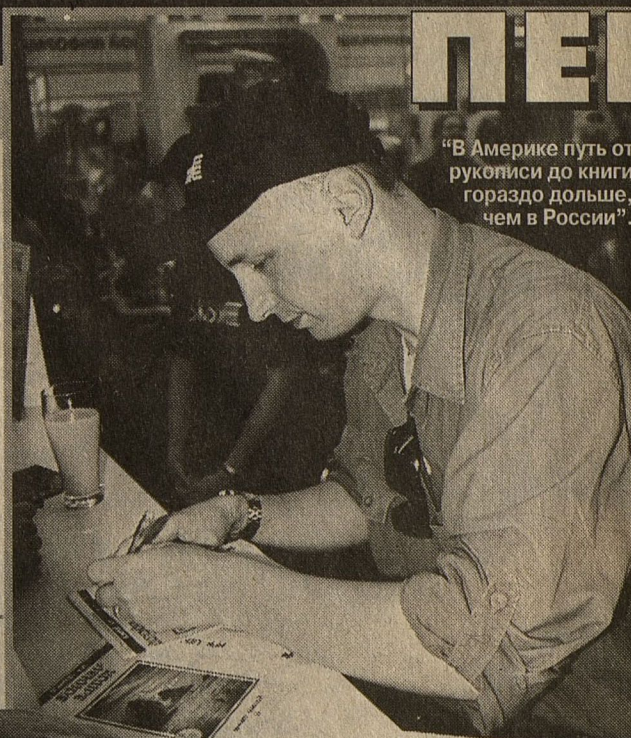
— Ваши книги успешно вышли на европейский рынок. А в Америке издается?

— Я предпринимаю усилия, но путь от рукописи до книги здесь гораздо дольше, чем в России. Но мне для начала надо сделать перевод, чем я сейчас и занят.

— Сейчас как-то изменилось ваше отношение к России?

— Нет, потому что я был, есть и буду русским человеком. Совершенно не важно, где ты живешь территориально. Очень многие русские, приехавшие сюда, впадают в какую-то странную эйфорию. Им кажется, что они вырвались из ада. Они живописуют кошмарные российские под-

Он — русский Толкиен. Он работает молекулярным биологом в Америке и пишет исключительно для отечественных фанатов, при этом оставаясь реальным человеком, живущим в сказочном мире. В интервью "МК" лауреат премии "Лучший фантаст Европы" Ник Перумов — как на ладони, именно такой, какой он есть.

"В Америке путь от рукописи до книги гораздо дольше, чем в России".

Николай ПЕРУМОВ:
"Я был, есть и остаюсь русским человеком!"

ПОБЕДЫ

робности: милицейский беспредел, коррупцию, плохую экологию — все, вплоть до ужасного движения и московских "пробок". Я считаю, что, уехав из страны, получив приличную работу и благополучное существование, не стоит ковырять пальцами в ранах своей родины. Нужно сделать то немногое, чем ты можешь ей помочь. По-моему, мои книги — помогают.

— Как проходила адаптация к США? Что больше всего шокировало?

— Наверное, беззаботность людей в сочетании с мощью государственной машины. Об этом я написал в рассказе "Выпарь железо из крови". Еще американцы во многом похожи на детей: у них полно проблем, но они легко относятся к жизни — не борются с ней, а живут и радуются.

— Вам сложно было смириться с американским менталитетом?

— Да, сложно относиться к пустым фальшивым улыбкам. Сложно относиться к вопросу "Как дела?", когда на него не ждут ответа. Сложно относиться к тому, что здесь нет понятия "друг" в нашем понимании. Здесь не принято делиться сокровенным, не принято показывать, что тебе плохо.

— Как жена относится к вашему творчеству?

— У нее свои предпочтения. Я не считаю, что в семье писателя все должно крутиться вокруг его творчества, все должны им непременно восхищаться и зачитываться.

— Сын читает ваши книги?

— Пока нет, ему всего десять лет. А мои книги рассчитаны все-таки на более взрослых людей. Стас читает на двух языках. Сейчас, например, он активно изучает Кира Булычева.

— А бывает так, что вы идете по улице и начинаете казаться, что вы находитесь в мире фэнтези?

— На улице — нет, а вот в лесу — да. В детстве мы очень часто ездили с родителями в загородскую деревушку, ныне совершенно заброшенную, и проводили целые дни в близлежащих лесах. И часто воспоминания трансформируются в сцены из книг. И сейчас до сих пор, если иду по лесу, то начинаю думать о сюжете, оказываясь, как сказал Крапивин, за меридианом.

"Я — очень неправильный писатель"

— Ник, многие авторы зарисовывают своих персонажей на листке. А как вы придумываете своих героев?

— Я, наверное, очень неправильный писатель. Прочитав "Хромую судьбу" братьев Стругацких, где разложена по полочкам технология писательского творчества, я подумал: "Боже мой, я делаю совершенно не так!" Никогда не набрасываю на листочке мизансцены, не указываю стрелочками, кто куда ходит, смотрит и что говорит. Я просто рассказываю историю, которая меня подхватывает, и я за ней следую. Правда, сейчас, работая над последней частью эпопеи "Хранитель мечей", я завел картотеку на героев — чтобы не забыть, кто когда и что сделал.

— Что общего в ваших произведениях?

— Если говорить о глобальной философии, то это, безусловно, принцип меньшего зла, который совершенно незаслуженно подвергнут в литературе остракизму, жесткой критике. Все знают выражение: "Цель не может оправдывать средства". То есть нельзя совершать меньшее зло, чтобы предотвратить большее. Вот с этим я не согласен. Отказываясь от персонификации добра со светом, зла с тьмой, я хочу показать, что это не более чем физические силы, которые нужно использовать и так, и эдак.

— Как вам писалось в дуэте с Сергеем Лукьяненко — "Не время для драконов"? И

"Очень многие русские, приехавшие в США, впадают в эйфорию".

как вообще подошли к этому проекту?

— Мы с Сергеем давно знаем друг друга. Идея что-то написать одновременно прозвучала в переписке. Сначала по электронной почте согласовывался общий сюжет, а потом я приехал в Москву, и мы садились с Сергеем спина к спине и писали каждый свою сцену. Потом менялись материалом, каждый прочитывал написанное другим, что-то исправлял, вносил свои коррективы, и обговаривался следующий кусок. Было интересно и весело.

От сионизма до фашизма

— Вас не пугает, что после книг "Череп на рукаве" и "Череп в небесах", вас обвиняют в фашизме?

— Я побывал во всех шкурах: был и сионистом, и антисемитом, и, что характерно, практически одновременно был и русским фашистом. Меня это уже не пугает, потому что, когда я вводил четвертый рейх в романе "Череп на рукаве", мне говорили: "Ты что? Получается, что ты за фашистов?" Как раз одна из идей книги состоит в том, что люди, встав под неправильные знамена, не всегда оказываются яркими приверженцами этой идеологии. Хотя, бесспорно, выбор имеет очень важное значение.

— Трилогия "Война мага", которую вы заканчиваете, будет последней в серии "Об упорядоченном"? Или же ждать "Гибель Богов-2"?

— Пока это будет последняя книга. "Гибель Богов-2" — это эпохальный для меня проект, который я сейчас физически не смогу воплотить. Нужно дать отдохнуть Хедину и Ракоту.

— У вас есть книга "Я — Всеслав", но пока она выложена только на вашем интернет-сайте. Почему она до сих пор не выпущена в печатном варианте? Это как-то связано с разногласиями с РПЦ?

— Я, конечно, не лгу себе, что Русская православная церковь начнет бороться со мной, а патриарх предаст меня анафеме. Эта история связана с тем, что мой заглавный рассказ цикла "Русский меч" написан с таких позиций, где подвергается сомнению роль православной церкви в российской истории. В свое время мне отказали в публикации этого рассказа по причине его, как мне это было передано, "антихристианскости". Я не считаю возможным что-либо переделывать и изменять, потому что стараюсь не нарушать логику образа. Я абсолютно уверен, что эту книгу я все-таки выпущу.

— Скажите, а существует ли уже точный договор об экранизации романа "Не время для драконов"?

— Договор об экранизации этой книги есть, этим пока все и исчерпывается. Пока что мы продали только права на экранизацию. Сейчас не известен ни режиссер, ни актеры, которые там могут быть задействованы. Есть лишь сценарий. И Сергей Лукьяненко, и я имеем по копии этого сценария. Но пока мы еще не вступали в прямую работу с продюсером.

— Была информация об экранизации книги "Алмазный меч, деревянный меч", но потом разговор об этом заглох. Почему так произошло?

— Это связано с тем, что "Алмазный меч, деревянный меч" нельзя снять в декорациях современной квартиры или на улицах Москвы. Для нашего кино является недостижимым уровень фильмов про "Конана" со Шварценеггером 20-летней давности. Не столько из-за отсутствия денег, сколько из-за отсутствия инфраструктуры: соответствующих павильонов и вычислительных средств. Надо снимать очень многое на натуре, то есть посылать экспедиции на Кавказ, в другие отдаленные районы России или устраивать выезд, например, в Словакию, где можно найти очень красивую натуру. Это очень затрудняет работу.

— А в США вам не предлагали экранизировать что-либо из ваших произведений?

— Ну что вы. Америка очень закрыта. Тут хватает своих писателей, переводы с иностранных языков на книжных полках крайне редки. Что касается экранизации, то существует масса проблем, в первую очередь связанные с правами на мир Толкиена, которые сейчас застопорили за собой компания New Line Cinema, снявшая "Властелин колец", из-за чего всякие телодвижения в этом направлении крайне затруднены.

— Но у вас же есть книга, рассчитанная на американскую публику, написанная совместно с Аланом Коуллом, — "Армагеддон".

— Как нам объяснили с Аланом издатели и агенты, она слишком сложна для массового американского рынка. Я более высокого мнения об американском читателе. Скорее сказалось нежелание редакторов рисковать, потому что в американском издательстве редактор имеет гораздо большую власть, чем цензор в СССР. Сейчас в России свобода в книгоиздании на порядок выше, чем в Америке.

Советский научный сотрудник

— У каждого писателя есть книги, которые он считает удачными или неудачными...

— К последним я, пожалуй, отнес бы "Армагеддон" и одну из самых популярных моих книг "Гибель богов". Мне нравится дилогия "Империя превыше всего", роман "Алмазный меч, деревянный меч". И, по-моему, неплохо получается "Война мага" — по крайней мере, за два тома мне перед собой не стыдно.

— Какое качество в человеке вы цените больше всего?

— Мне трудно ответить на этот вопрос. Потому что я сам человек очень сложный, с тяжелым характером. Совершал поступки, которых стыжусь, обижал близких людей. Наверное, я в людях ценю то, чего не хватает мне, — бережливость по отношению к близким и умение их понять.

— А каков Ник Перумов в повседневной жизни?

— Обычный советский научный сотрудник, а не заоблачный небожитель, каким меня пытаются выставить другие. Я абсолютно нетусовочный человек, не трачу деньги на дорогую одежду, а покупаю книги. Люблю средиземноморскую кухню. И очень скучаю по нашим русским пельменям...

Игорь ПОПОВ.